

ОТЗЫВ

официального оппонента – доктора юридических наук,
профессора, профессора кафедры теории и истории государства и
права юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский
государственный национальный исследовательский университет»
Сафроновой Елены Викторовны

о диссертации Межеккеев Андрея Викторовича на тему:
«Судебное правотворчество в современной России», представленной
на соискание ученой степени кандидата юридических наук
по специальности 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки

Диссертационное исследование Межеккеев Андрея Викторовича посвящено актуальной теме – судебному правотворчеству в современной России. Актуальность данной темы обусловлена рядом причин. Во-первых, правотворчество как деятельность по созданию права сама по себе вызывает научный интерес в силу своей значимости. Во-вторых, актуальность темы обусловлена особым субъектом правотворчества – судом, основная функция которого состоит не в правотворческой деятельности, а в осуществлении правосудия.

Постановка проблемы, подходы и способы ее решения позволяют сделать вывод, что диссертация Межеккеев А.В. соответствует паспорту научной специальности 5.1.1. - теоретико-исторические правовые науки. Ее новизна состоит: в обосновании идеи правотворчества в единстве его объективного и субъективного аспектов; в разработке концепции судебного правотворчества как части правотворчества; выявлении форм проявления объективного и субъективного аспектов судебного правотворчества.

Достоверность результатов проведенной работы обеспечивается методологической обоснованностью исходных позиций, применением системы методов, адекватных его задачам и логике. Положения, выносимые на защиту, отличаются достаточной степенью научной новизны и отражают самостоятельный вклад диссертанта в юридическую науку.

Диссертационная работа основывается на добротном методологическом, теоретическом и эмпирическом фундаменте. К числу достоинств диссертации Межеккеев А.В. следует отнести широту историографической и источниковой базы исследования. При анализе источников диссертант демонстрирует глубокую погруженность в тему исследования, собственную позицию по ключевым вопросам, что свидетельствует о самостоятельности труда.

Работа хорошо структурирована, вполне логична, обладает внутренним единством и отражает алгоритм научного поиска. Логика и последовательность изложения материала свидетельствует о научной состоятельности автора.

Первая глава диссертации посвящена понятию и видам правотворчества. Понятие правотворчества зависит от типа правопонимания, на что обращено внимание (с. 15). Следует признать удачным решением попытку соискателя подойти к раскрытию правотворчества не с позиции конкретного типа правопонимания, а с общепринятого представления о том, что право состоит из системы правовых норм (объективный аспект) и из системы субъективных прав и обязанностей (субъективный аспект). Исходя из этого, правотворчество рассматривается в объективном и субъективном аспектах. При этом справедливо отмечается, что выделение указанных аспектов правотворчества не свидетельствует о создании двух самостоятельных систем: объективного права в результате реализации объективного аспекта правотворчества и субъективного права в результате реализации субъективного аспекта правотворчества. Право, как результат правотворчества, является единой системой, состоящей как из правовых норм, так и из субъективных прав и обязанностей (с. 17).

Автор предпринял попытку обосновать разделение «правотворчества» и «нормотворчества». Под последним он понимает одно из проявлений объективного аспекта правотворчества,

выражающееся в создании правовых норм, их отмене и внесении в них изменений (с. 18-19, 20). Правотворчество в его объективном аспекте проявляется не только в нормотворчестве, но и в иных изменениях, вносимых в систему правовых норм. В этом качестве соискатель рассматривает предупреждение и разрешение коллизий между правовыми нормами (с. 51), в частности, внесение изменений в существующую иерархию правовых норм (с. 19, 51 диссертации), а также выявление правовых принципов (с. 54). Особую роль в выявлении правовых принципов, как справедливо отмечает диссертант, играет Конституционный Суд РФ (с. 57).

Под субъективным аспектом правотворчества соискатель предлагает понимать внесение изменений в существующую систему субъективных прав и обязанностей, которое может выражаться в возникновении новых, изменении существующих и в прекращении существовавших субъективных прав и обязанностей (с. 63).

Стоит признать интересным, но не бесспорным выявленную диссертантом взаимосвязь между объективным и субъективным аспектом правотворчества: внесение изменений в существующую систему правовых норм приводит к изменению существующей системы субъективных прав и обязанностей, а внесение изменений в существующую систему субъективных прав и обязанностей возможно только путем внесения изменений в существующую систему правовых норм (с. 59).

Вторая глава диссертации посвящена объективному и субъективному аспектам судебного правотворчества. В качестве форм объективного аспекта судебного правотворчества диссертантом рассмотрены устранение пробелов в правовом регулировании посредством аналогии закона и устранение пробелов в правовом регулировании посредством аналогии права.

Следует признать обоснованным вывод о том, что при применении закона по аналогии правотворчество суда заключается во внесении

изменений в гипотезу применяемой судом нормы (с. 76-77). При применении аналогии права суд, как указывает диссертант, определяет права и обязанности сторон, то есть создает диспозицию правовой нормы (с. 86).

Следует согласиться с выводом соискателя о том, что законодатель не просто допускает возможность судебного правотворчества в форме применения аналогии закона и аналогии права, но и признает необходимость такого правотворчества, вызванную объективной невозможностью создать беспробельное законодательство (с. 85-87).

В субъективном аспекте судебного правотворчества автор выделяет правотворчество, состоящее в применении правовых норм к установленным судом фактическим обстоятельствам дела, и правотворчество, состоящее в определении правовых последствий установленных судом фактических обстоятельств дела (с. 101). Такой подход следует признать новаторским. Диссертант отмечает, что разрешение правового конфликта предполагает установление фактических обстоятельств дела, их квалификацию и определение правовых последствий (с. 95). Судебное правотворчество в его субъективном аспекте автор усматривает не только при определении правовых последствий, но и при квалификации установленных судом фактических обстоятельств дела. Диссертант разделяет понятия «фактические обстоятельства» и «юридические факты». Он доказывает, что установление судом фактических обстоятельств не относится к правотворчеству, но является его предпосылкой (с. 99), тогда как создание судом юридических фактов, то есть квалификация судом фактических обстоятельств, является проявлением субъективного аспекта судебного правотворчества (с. 99-100).

Третья глава диссертации посвящена судебному правотворчеству Верховного Суда, Высшего Арбитражного Суда и Конституционного Суда. Правотворчество Верховного Суда справедливо разделяется на

правотворчество при осуществлении правосудия и на правотворчество при осуществлении деятельности, не связанной с осуществлением правосудия (с. 125-126). При этом в 3 главе диссертации рассматривается такой вид правотворчества Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда, не связанный с осуществлением правосудия, как дача разъяснений по вопросам судебной практики.

Представляется справедливым утверждение о том, что объективный аспект правотворчества Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда осуществляется, среди прочего, таким специфическим способом как указание на то, как следует квалифицировать то или иное фактическое обстоятельство (с. 126-127 диссертации). Давая указания правоприменителю в отношении того как следует квалифицировать то или иное фактическое обстоятельство, высшие суды указывают какой именно юридический факт создается судом в результате установления того или иного фактического обстоятельства.

Оценивая диссертационное исследование в целом, следует признать, что автору работы удалось достичь поставленной в рамках диссертационного исследования цели. Все основные положения и выводы диссертации следует признать достоверными, адекватно отражающими уровень развития юридической науки. Сформулированные в работе положения дополняют и развивают соответствующие разделы отечественной теории права.

Личное участие автора в получении научных результатов состоит в том, что содержащиеся в диссертации выводы, научно-теоретические положения сделаны самостоятельно. Результаты научного исследования, отраженные в положениях, выдвигаемых для публичной защиты, обладают внутренним единством, свойством научной новизны, определяют решение крупной научной проблемы. Уровень апробации и внедрения результатов проведенного исследования следует считать вполне достаточным для кандидатской диссертации.

Вместе с тем, отмечая самостоятельность и оригинальность выводов автора, необходимо отметить, что ряд из них спорны и недостаточно проработаны.

1. Не могу не отметить, что мне не вполне близка идея наделения судов функцией правотворчества. Полагаю, что изменения процессуального законодательства сделали из суда машину по производству исполнительных документов, удаляя его от истинной сущности - правосудия. В судах масса дел рассматривается в упрощенной форме, порой при отсутствии состязательности как таковой, либо в условиях усеченной состязательности. В связи с этим, взгляд автора о том, что каждый судебный акт - это акт правотворчества, по меньшей мере, не соответствует современным реалиям. На наш взгляд, автор смешивает понятия правосудия и правотворчества, что неверно. Полагаем, что при таком подходе необходимо дать соотношение этих дефиниций. При обосновании актуальности темы автор отмечает, что «каждый судебный акт, принятый судом, вносит изменений в объем субъективных прав и юридических обязанностей лиц, которым он адресован» (с. 3). С этим трудно согласиться. Зачастую суд просто констатирует правоотношения сторон опять-таки для пресловутого последующего исполнения (например, выдачи исполнительного листа). Например, у ответчика есть долг по договору займа, который он не оспаривает. Истец обращается в суд, чтобы взыскать. Даже при наличии судебного решения правовым основанием взыскания выступает договор, а не судебный акт. В чем здесь правотворчество? Какие изменения в правоотношения сторон вносит судебный акт? Считать оценку судом доказательств в решении правотворчеством некорректно. В чем тогда разница между правоприменением и правотворчеством? Это вещи разные не только по порядку, но и по содержанию.

2. Спорным выступает идея субъективного аспекта судебного правотворчества. В процессе защиты требует уточнения вопрос: как

соотносятся субъективный и объективный аспекты правотворчества? Не поглощается ли одно другим, а если нет, то не о правоприменении ли идет речь?

3. Не могу принять некоторые авторские определения. Так, «правовая норма, - пишет сонскатель, - это выводимое в результате толкования правового текста предписание, регулирующее отношения субъектов правовых отношений посредством предоставления субъективных прав и установления корреспондирующих таким правам обязанностей» (с. 10). Разве правовая норма появляется только толкования? Неудачно, на наш взгляд, сформулирован и вывод, что «правовая норма является результатом мыслительной деятельности субъекта права и не сводима к своему текстуальному воплощению» (с. 22). Возникает естественный вопрос: любого субъекта права? Еще одно определение: «Правовой текст - это источник правовой нормы» (с. 10) тоже вызывает вопросы. Как в авторской концепции соотносится вводимое автором понятие правовой текст с понятием источник правового регулирования?

3. Соглашусь с тем, что применение аналогии закона и права в некоторой мере свидетельствует о правотворчестве, но применение аналогии в текущей практической деятельности исключение, а не правило. Автор пишет: «При осуществлении гражданского судопроизводства, а также правосудия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности суд восполняет пробел в правовом регулировании посредством аналогии закона и аналогии права» (с. 10). Создается ощущение, что каждый судебный акт, принятый, например, арбитражным судом, восполняет пробел в правовом регулировании, что не отвечает действительности. Здесь же автор указывает, что «при раскрытии оценочных понятий суды, по сути, определяют содержание правового запрета или предписания, то есть вносят изменения в диспозицию

правовой нормы». Корректно ли указывать о внесении изменений? Может правильнее говорить о том, что суды конкретизируют правовые нормы?

5. Автор указывает, что суды разрешают правовой конфликт, что не всегда это так, часто роль суда просто констатирующая. Например, в рамках дела о банкротстве суд выбирает арбитражного управляющего должника методом случайной выборки. Ни одна из сторон не знает этого арбитражного управляющего, им абсолютно все равно, главное, чтобы он приступил к своим обязанностям и продолжил выполнение необходимых мероприятий. Нет конфликта, есть констатация. Автор отмечает, судебное правотворчество «проявляется как в квалификации фактических обстоятельств» (с. 11). Разве суд выступает правотворцем, например, в случае, когда истец дал в долг ответчику 100 руб., последний обязался его вернуть. Это займ, правоотношения по договору займа регулируются положениями ст. 807 ГК РФ. Где здесь правотворчество? Не безусловным и обоснованным видится и тезис автора, что «квалифицируя фактические обстоятельства суд создает юридические факты» (с. 11).

6. В диссертации обоснованно указывается, что разрешение правового конфликта судом предполагает обязательное установление фактических обстоятельств дела, их квалификацию, а также определение правовых последствий (с. 95). Как быть, если суд неверно установил фактические обстоятельства дела и, в связи с этим, принял неправосудное решение? Будет ли при таком решении иметь место объективный и субъективный аспекты судебного правотворчества?

Немалое количество вопросов, заданных автору, свидетельствует не столько о непроработанности концепции, сколько о ее оригинальности. Указанные замечания не умаляют значимости проведенного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки, а также критериям.

определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Межеккей Андрей Викторович заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки.

Официальный оппонент:

доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры теории и истории государства и права
юридического института ФГАОУ ВО

«Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»

Сафронова Елена Викторовна

Личную подпись
удостоверяю
Высший специалист
по кадрам
департамента управления
персоналом

07. ноября 2025 г.

Контактные данные:

Тел.: 8 (4722) 301300 * 2023, e-mail: safronova_e@bsu.edu.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Адрес места работы:

308015, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, д. 85, корп. 13, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», юридический институт, кафедра теории и истории государства и права.